

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

**НИКОЛАЙ
НЕВСКИЙ**

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

ПИСЬМА¹

Письмо, адресованное Накаяма Таро [О культе плодородия]²

Приношу самую искреннюю признательность за Ваше письмо, которое было для меня чрезвычайно полезно. Нет слов, чтобы выразить мою благодарность за Ваше руководство неучем-иностранцем, каковым я являюсь.

Прошу великодушно простить меня, ибо по получении Вашего письма я, конечно, должен был бы поторопиться с ответом.

Что касается Вашего письма, датированного 27 сентября, то мне остается лишь присоединиться к Вашим соображениям относительно сельского хозяйства и охоты в древней Японии — соображениям, являющимся новым шагом в исследовании японской культуры и истории жизни народа. Поскольку мое искреннее желание состоит в том, чтобы посвятить себя изучению этих проблем, я прошу Вас сообщать мне о результатах Ваших исследований по мере их продвижения. Хотелось бы только, чтобы исследование было не просто историческим, но включало в себя этнографические данные, признаваемые еще одним средством научного познания. Хочу и я поделиться с Вами своими материалами, хотя познания мои и неглубоки. Прошу о снисходительности.

В Вашем письме наибольшее впечатление на меня произвела Ваша новая интерпретация Сусаноо-но микото³. До сих пор я пола-

---

¹ Перевод и комментарии выполнены А. Н. Мещеряковым.

² Перевод письма, опубликованного в сборнике «Луна и бессмертие» (Цуки то фуси. Токио, Хэйбонся, 1971).

В этом письме, адресованном старшему коллеге, японскому этнографу Накаяма Таро, Н. А. Невский выдвигает предположение, что культу божеств плодородия исторически предшествовал обряд ритуального совокупления, якобы способствующий обеспечению богатого урожая.

Приводя этнографические данные, Н. А. Невский ссылается на некое издание, обозначая его всего одним знаком, видимо, первым иероглифом названия издания, которое трудно идентифицировать достоверно.

³ Речь в этом фрагменте письма идет о противоречивом облике Сусаноо, который, как явствует из мифологических сводов, выступает то как хтоническое божество, связанное со Страной корней, то как культурный герой. В настоящее время принято считать, что в фигуре Сусаноо сконтаминировано несколько божеств. Главное объяснение его противоречивости в том, что Сусаноо — верховное божество племени Идзумо, дающее людям блага и культурные изобретения. «Фуриозность» и связь с подземным миром приписываются ему в

гал, что Сусаноо является богом подземного, темного мира, но вот какие слова вспомнились мне по ознакомлению с Вашими идеями: «В целом боги растительности (взятые как таковые) — определенная часть которых, как полагали, каждый год скрывается под землей — стали естественным образом осмысляться как боги подземного мира или же как боги смерти. К ним относится греческий Дионис и египетский Осирис» («Золотая ветвь». Изд. 3-е. Р. 5., т. 1, с. 15—16). По-видимому, допустимо отнести к таким божествам и Сусаноо, однако тут возникает некоторое сомнение. Почему Сусаноо не умертвил Инада-химэ, как он это сделал с Охогэцу-химэ¹, а спас ее? Если предположить, что Сусаноо является богом растений и одновременно темного мира, то он должен был бы убить Инада-химэ², которая является *унари*³? Хотелось бы просить Вас разъяснить мне смысл легенды об *унаридо* и рассеять мои сомнения. С интересом прочел, как определялись границы удела с помощью пестика и привязанной к нему веревки. Ни о чем подобном мне неизвестно и поэтому мне остается лишь принять этот факт к сведению. Вопросы о границах являются специальностью учителя Касумигасэки, и потому я советовал бы Вам обратиться к нему.

Что касается Вашего предположения, что пестик является символом мужского члена, то мой старший коллега Астон отмечал: «Подобно абрикосу (*андзу*) в Индии или гранату в Древней Греции, в Китае и Японии персик символизирует женский половой орган, а пестик и гриб "мацудакэ" — мужской» (Shinto, с. 189). Однако, кажется, подтверждений тому он не приводит.

Можно, в частности, назвать следующие примеры. В Японии широко распространен обычай, когда с приходом невестки в дом там начинают приготавливать рисовые лепешки *моти*. Чтобы убедиться в том, достаточно посмотреть четвертый том «Буцуруй сёко»: «Во вре-

---

тех мифологических сюжетах, которые относятся к мифологическим циклам племени Ямато, потратившего много сил, чтобы покорить клан Идзумо.

- ¹ Богиня еды. Согласно мифологическим сводам, Сусаноо убил ее, заподозрив, что она хочет осквернить еду, которую ему приготовила. Из разных частей тела убитой богини рождаются шелковичные черви, рис, просо, красные бобы, пшеница и соевые бобы.
- ² Инада-химэ — юная дева Кусиинада-химэ, которая, подобно своим семи сестрам, должна была быть отдана на съедение восьмиглавому дракону из Коси. Согласно мифу области Идзумо, Сусаноо-но микото победил змея и женился на Инада-химэ.
- ³ По-видимому, то же, что *онари* и *онаридо*. Так именовали девушек, которых, согласно преданию, приносили в жертву божеству плодородия. Вопрос Н. А. Невского, адресованный Накаяма Таро, содержит вежливое опровержение высказанной Накаяма догадки, что, поскольку Инада-химэ, возможно, была связана с культом урожая риса (*инэ* «рис», *та* «поле»), то она выступает в мифе в качестве *онаридо*. Накаяма пишет в своем письме: «Такие вещи, как "Вино восьмерной силы" или "Восьмирядный забор" и пр., которые будто бы заготовил Сусаноо-но микото для спасения Инада-химэ, — все это было, как мне кажется, обрядом принесения в жертву Онаридо. К тому же, я полагаю, заслуживает внимания тот пункт, что Ятимата-но ороги не убила всех девушек сразу, а брала их по одной в год».

мя свадебной церемонии используется пестик с узором журавля и черепахи, нанесенным с помощью муки». Думается, что обряд складывания вместе *моти* обозначает не просто соединение супругов, а является ритуалом, обозначающим соитие, как в случае с обрядом «распределения глиняных ступок» (*сурибативари*) в районе Муги, преф. Мино (см.: Нихон кифудзоку, с. 140).

Ступа и пестик — наиболее важные для крестьян орудия, и считается недопустимым садиться в ступу. Если нарушить этот запрет, то человек не будет больше расти (Кё, 2, 634, 3, 56, 571). В некоторых местах (например в окрестностях Нагасино в Микава) женщина, перешагнувшая через пестик, обычно просит синтоистского жреца или же *ямабуси* провести обряд очищения (Кё, 2, 7, 46). Принимая во внимание эти данные, можно утверждать, что ступа и пестик — не просто предметы быта крестьян, но и могут использоваться как предметы ритуального очищения и табуирования. Поэтому в деревне Каваками провинции Бидзэн при совместном захоронении в одной могиле люди, пришедшие на похороны, в качестве средства ритуального очищения перешагивают через выставленный в дверях наполненный водой таз с положенным поверх него пестиком (Кё, 4, 118). В городе Аомэ провинции Мусаси в подобном случае переступают через ступку или же лист бумаги с ее изображением (Кё, 4, 174). В провинции Садо существует обычай, когда при выносе покойника из его комнаты над ступкой зажигают светильник (Кё, 4, 703).

Короче говоря, ступа и пестик обладают магической силой уничтожать влияние иного мира. Необходимо признать, что эти предметы считаются обладающими магической силой, распространяющейся и на потусторонний мир; так, в частности, если толочь пестиком в пустой ступе, то появятся черти (Кё, 2, 762; 4, 488) или же вскоре разлучишься с родителями (Кё, 3, 764).

По этой причине ступка и пестик используются в качестве оберегов, для того чтобы избежать болезней и злых чар. Приведем несколько примеров. В городе Сэндай почитается божество Уагами. Есть сведения, что в ряде храмов, посвященных ему, в качестве оберегов выступают висячие амулеты в виде пестика, маленькой печати или ступки. В Тоёхаси, провинция Микава, маленькие пестики из барбариса *хакунантэн* считаются амулетами для детей. Считается, что если повесить такой амулет к поясу, то дети сто дней не будут кашлять. В другом районе маленькие пестики из древесины барбариса привешивают маленьким детям к кошельку (последние три примера взяты из письма, полученного от почтенного Яманака). Я не знаю, что представляет собой божество Уагами, но, судя по иероглифам, оно имеет какое-то отношение к лошади. Как Вам известно, в районе Тохоку очень много синтоистских храмов божества лошади — Комагата. Возможно, что и божество Уагами имеет отношение к подобному культу. Когда я в недавнее время путешествовал по окрестностям Тоно, то узнал о следующем обычае: для рождения здоровых

жеребят божеству Комагата преподносят деревянные изображения фаллоса. В тех же храмах часто поклоняются и богу богатства. Возможно, что и обереги в храме Умагами выполняют эти функции. Обычай подвешивать к поясу пестик для стодневной защиты от кашля имеет отношение к тем фаллическим культам (боги дорог, камня; об использовании черпака в качестве амулета против ангины), которые тоже избавляют от кашля. В старом Эдо, насколько я знаю, детям во время праздников вешались амулеты ваньки-встаньки (подобные раскрашенные игрушки *дарума*¹ или в форме лягушки — изобретения, по-моему, поздние). Есть места, где пестик и фаллос используют в магических целях одновременно. Наблюдение об этом имеется в книге почтенного Яманака «Додзоку данва» («Рассказы об обычаях»): «В деревне Кока уезда Кунохэ провинции Рикютю перед въездом в деревню срубают сосну, устанавливают ее на земле, огораживают толстой веревкой симэнава, вешают на сосну изображения пестиков, фаллосов, мечей, ножей и молотков <...> На Новый год такое сооружение устанавливали перед каждым домом, однако теперь, ввиду полицейских правил, уже не делают, но и летом 32-го года Мэйдзи² из-за распространения в этом районе эпидемии дизентерии сосну ставили перед входом в деревню» (рисунок не привожу). И еще. В уезде Нака провинции Кии говорят, что если толочь в пустой ступке, то волосы на лобке расти не будут. Из всего этого можно заключить, что ступка и пестик имеют глубокую связь с половыми органами. Это обстоятельство наводит на размышления. Если пестик является фаллическим символом, то изначальная его концепция должна сходствовать с фаллосом по форме и функциям. Пестик, которым пользуются в деревне и в настоящее время, имеет обычно такую форму (приводится рисунок), однако, по-видимому, в древности он был похож на каменную палицу (*сэкибо*).

Крестьяне часто используют пестик в качестве аксессуара танцев. Во время праздника *бон*³ в деревне Тэммабаяси уезда Камикита префектуры Аомори из другой деревни приходят исполнять танец под названием Какэмаи. Сообщают, что танцоры держат в руках маленькие легкие пестики размером около трех *сяку*. (В танце *какэмаи* участвуют человек двадцать-тридцать, у возглавляющих процессию — флейта и барабан, а остальные несут короткие и длинные мечи, палки в шесть и три *сяку*, пестик и шляпы, украшенные цветами; участники образуют круг, хлопают в ладоши в такт игре вышеуказанных инструментов и начинают движение по кругу.) Кроме этого, на Новый год проводится «Танец льва» (*Сиси маи*) — шествие, напоми-

¹ Здесь: изображение Бодхидхармы, патриарха учения Дзэн, основоположника китайского чань-буддизма.

² 1899 г.

³ Буддийский праздник поминовения усопших, претерпевший в Японии ряд функциональных изменений.

нающее *кагуру*¹ или какое-то театральное представление. В числе прочего исполняется и танец пестика. Во время исполнения танца участники держат два (или один) пестика (вышеприведенные данные содержатся в письме молодого жителя этой деревни по фамилии Накамура). Мне неизвестно, что представляет собой этот «танец пестика», но предполагаю, что он восходит к танцу пестика, исполняемому при синтоистском храме Такакура деревни Муса села Такацуки уезда Акасака провинции Бидзэн. В этом храме пятнадцатого-шестнадцатого дня одиннадцатой луны каждого года проводится праздник благодарения за новый урожай. Семнадцатого числа мужчины и женщины селения собираются в выбранном доме, супруги-хозяева встают и исполняют танец. Затем хозяин берет в руки толстый пестик и исполняет пред женой танец пестика. После этого он встает позади очага и зовет жену. «Муж достает большое-пребольшое. Вытащи-ка, поддержи». Тогда жена раздвигает соломенный мешок на уровне ляжек и идет к нему. Муж кладет пестик в мешок и оставляет его там (см. сборник работ Курисато, т. 3, а также статью Ямагучи «Предметы культа плодородия в новое время». — Кёдо сюми, № 15.) Из этих данных с несомненностью следует, что пестик играет роль линггама.

Вы совершенно правильно утверждаете, что верования древнего человека относительно произрастания злаков, обильности являются следствием культа плодородия, божеств растительности. На Руси также полагали, что произрастание злаков, урожай находятся во власти бога Ярилы. И поныне в глухих деревнях осенью проводится обряд «похорон Ярилы». Из соломы изготавливается чучело с фаллосом, которое кладется в небольшой гроб. В соответствии с христианским обрядом похорон толпа жителей деревни провожает гроб до могилы и закапывает его. Полагают, что делается это для того, чтобы «мать-земля забеременела злаками» к следующей весне.

Я полагаю, что в более древние времена, в эпоху анимизма, все происходящее трактовалось в понятии человеческой жизни (от совокупления через рождение к смерти). Думаю, что первобытный человек полагал, что одинаковые (или же подобные) действия всегда приводят к одним и тем же последствиям. Поэтому, чтобы появились животные и растения, имеющие, как считалось, одинаковую с человеком судьбу, в магических целях практиковалось обрядовое соитие или же закапывание фаллоса в землю, а также вынесение символов в поле. Зиждется ли в этот период прораствание злаков на деятельности божеств по репродуцированию? Утверждение о наличии подобных верований не может считаться доказанным. Пока еще остается вопросом: связывали ли прораствание злаков с деятельностью богов плодо-

¹ Кагура — «игры богов», обряд, заключающийся в призывании божеств на праздник, их последующее увеселение песнями и танцами, а затем, на рассвете, их проводы обратно на небо.

родия? Возможно, что урожай, в представлении древних, зависел от магической деятельности самого человека.

Согласно «Когосюи»¹, для того чтобы заставить плодоносить высохший рис [в качестве основного средства воздействия], у источника воды установили изображение фаллоса с целью, разумеется, дать новую жизнь человеку и, вероятно, вне отношения к репродуцирующей функции божеств. На юге танец посадки рассады риса проводится в середине первой луны (по старому стилю), и, давая жизнь рису, молодые юноши и девушки вступают в этот день в половые связи, имея целью обеспечение богатого урожая (газета «Иватэ Майнити», 31 августа 6-го года Тайсё). В районе Тоно накануне 210-го дня после весеннего равноденствия сооружаются большие соломенные фигуры, к ним прикрепляются сделанные из дыни мужской и женский половые органы, фигуры выносят в поле и соединяют их на перекрестке дорог. Эту церемонию называют «праздником дождя и ветра» (устное сообщение Сасаки. См. также: Тоно моногатари, с. 93 и Цутибутимура кёдоси). Самый примечательный пример к сельскому хозяйству не относится. Кажется, в префектуре Акита в самое горячее время по разведению шелковичного червя призывают много мужчин и женщин. Накануне окукливания червей мужчина и женщина входят в то помещение, где их (червей) содержат, и совершают половой акт. Тот, кто обнаруживает их там, идет к хозяину и произносит такое поздравление: «Поздравляю. В этом году коконов будет много» (устное сообщение моей служанки). Все эти примеры, думается, не имеют ни малейшего отношения к богам.

И еще хочу сказать Вам вот что. В настоящее время менструация почитается вещью нечистой. А как обстояло дело в древности? Похоже, что в это время девушка должна была воздерживаться от выхода в поле («Сэйсан фуси»). Существует и обычай, согласно которому строится маленький домик для тех, у кого месячные, и для рожениц. Как Вы понимаете, речь идет о домике *тая*. В некоторых местах месячные также называют *тая*. В настоящее время это понятие записывается обычно иероглифами «другой дом». Но мне представляется, что его нужно записывать иероглифами «полевой дом». В некоторых деревнях аборигенов Суматры, после того как рис заложен в амбары, проводится празднество. Для того чтобы собрать побольше риса, главным действующим лицом этого праздника назначается беременная женщина. Среди индейцев в районе реки Ориноко женщина сеет, держа в руках грудного ребенка. Это — магия, посредством которой земля должна в обилии рожать злаки, подобно тому как женщина рождает детей (последние два примера взяты из «Золотой ветви», т. 1, с. 140—141). В древней Японии, вероятно, с

¹ Речь идет о мифологическом сюжете, по-видимому, заимствованном из Китая, повествующем о том, почему в обрядах богу урожая принято приносить в жертву белого коня, белого кабана или белого петуха (см. пер. Н. А. Невского в наст. изд.).

теми же целями женщины во время месячных или же беременные (перед родами) помещались в хижину, которую ставили в поле. Доказательств у меня нет ни одного, может быть, это и натяжка, поэтому, если у Вас возникнут какие-либо соображения, прошу их мне сообщить.

Хотел бы еще продолжить, но боюсь наскучить Вам чересчур долгим посланием и потому откладываю перо.

Желаю Вам крепкого здоровья. До свидания.

8 ноября 8-го года Тайсё

Письмо, адресованное Накамура Такэси

*Отару, 3 октября 1919 г.
Невский с почтением
господину Накамура Такэси*

Уважаемый господин Накамура!

Неоднократно с благодарностью получал от Вас письма и всегда читал их с большим наслаждением.

Так как стало уже довольно прохладно, то считаю своим долгом осведомиться о Вашем здоровье. Я, слава Богу, по-прежнему жив и здоров, так что прошу совершенно не беспокоиться.

Последнее время, переписываясь с одним токиоским другом, изучаю вместе с ним праздники, всевозможные обряды и легенды, имеющие отношение к японскому земледелию, поэтому хотел бы просить Вас помочь нам в исследовании вышеперечисленных вопросов. Т[ак] к[ак] недавно встал вопросом пест (в крестьянском хозяйстве) и связанные с ним суеверия и предания, то не могли бы Вы в свободное для Вас время, хотя бы немного, порасспросить об этом? Вообще, что представляет собой японский пест, с точки зрения крестьянина, у Вас на родине и каково к нему отношение последнего? Хотелось бы, чтобы Вы порасследовали это. Не существует ли обычая употреблять пест как орудие во время праздников или во время танцев? Если бы Вы собрали детские игры, песни, поговорки и проч., связанные с пестом, то я был бы Вам в высшей степени признателен. Кроме того, собирайте у себя на родине понемногу сведения вообще о земледельческих праздниках, установившихся крестьянских годовичных обрядах, танцах, песни во время посадки ростков, предания и пр., затем соблаговолите поделиться собранным материалом и с Вашим покорным слугой. Все это имеет бесспорную научную ценность. Впоследствии, когда наши исследования дадут какой-нибудь результат, мы с другом собираемся их издать в том или ином виде. Я буду считать себя в высшей степени счастливым, если Вы соблаговолите нам помочь.

В заключение спешу пожелать Вам доброго здоровья и, извиняясь за спешность письма, имею честь еще раз покорнейше просить не отказать мне в Вашей помощи. До свидания!

Письмо, адресованное Яманака Варо

*Отару, 7 октября 1919 г.
Невский с почтением
господину Яманака Варо*

Многоуважаемый господин Яманака!

Несмотря на мою невнимательность по отношению к Вам во время моего пребывания в Токио минувшим летом, Вы все-таки удостоили меня своими просвещенными взглядами по различным вопросам, за что я искренне и глубоко Вам благодарен.

Так как после своего отъезда я не посылал Вам никаких известий о себе, то я действительно считаю себя виноватым и сознаю, что не заслуживаю Вашего прощения, но все же прошу Вас не принимать это близко к сердцу.

Так как в Токио, вероятно, уже стало прохладно по утрам и вечерам, то имею честь осведомиться о Вашем почтенном здоровье. Из-за того что здесь с каждым днем становится все холоднее и холоднее, я недавно немного простудился и несколько дней провалялся в постели, но теперь почти совсем поправился и по этому поводу прошу совершенно не беспокоиться.

Переходя к цели этого письма, должен сказать, что я собираюсь заняться изучением древнего японского земледелия и относящихся к нему верований и укладов крестьянской жизни. Думаю изучать исключительно с этнографической точки зрения по ныне существующему (или сохранившемуся в книгах) фольклору, потому непременно хотелось бы получить Ваши почтенные наставления по этому вопросу. Прежде всего, хотелось бы собрать всевозможные верования и вообще фольклор, связанный со ступой и пестом. Если у вас найдется свободное время, не сообщите ли, что Вы знаете по этому поводу? Говорят, что в Японии во время земледельческих праздников существует обычай держать пест. Так, например, согласно письму господина Накаяма, праздник храма Ситися Медзин в пров. Овари (Аити-гун, Токива-мура, селение Ивацука) наз[ывается] Танэмаки-мацури или *Кинэкоса-мацури*, потому что центральной фигурой церемонии является мужчина, который, держа в руках пест, подражает сеятелю. Когда я имел счастье читать Вашу книгу «Додзоку данго», то, мне помнится, там рассказывалось об обычае одной деревни, если не ошибаюсь, пров. Рикютю, а именно об обычае использовать пест наряду с фаллосом как магическое средство против болезней и выставлять его на границе деревни. Кроме того, будто бы в

Японии в доме жениха существует обычай толочь в ступе *моти* (рисовые лепешки) лишь только подан знак, что пришла невеста. Мне, как иностранцу, весьма слабо осведомленному в японской жизни, пока еще не приходилось этого наблюдать, но стоит лишь взглянуть в 4 т. Буцуруи Сёко (под словом *кине*), чтобы удостовериться, что вышеизложенный обычай не есть просто выдумка. А именно в выше-названной книге читаем: «Существует обычай на легком песте, употребляемом во время свадьбы, рисовать белилами рисунки вроде аиста и черепахи». По предположению г-на Накаяма, пест является символом мужского детородного члена, но я лично в этом еще не уверен; есть некоторые моменты, заставляющие сомневаться, поэтому-то я и хотел бы собрать побольше фольклорных данных.

Впрочем, бесспорно, что между половыми функциями человека и созреванием злаков, в глазах первобытного человека, существовала тесная связь. Приведу один-два примера. Кроме известного всем *обасэгата* (изображение фаллоса) в Когосюи мы находим еще следующее сообщение: «"Тауэ-одори" (танец пересадки рисовых ростков на поля) — это комический танец, совершаемый в середине первого месяца по лунному календарю в качестве благословения урожая. Его танцуют, переходя от дома к дому, и в качестве вознаграждения получают вино и закуску. Молодые парни и девушки считают это самым благоприятным временем для тайных связей и распутного поведения, чем наносят ущерб общественной морали» (Иватэ-Майнити-симбун «Ежедневная газета губернии Иватэ» от 31-го августа 1917 г.). Уже из этого становится ясным вышеуказанная связь между произрастанием злаков и половыми функциями.

Кроме того, когда я недавно читал Сэйсан Фуси («Описание западной части провинции Сануки»), то встретился со следующим известием при описании пересадки рисовых ростков на поля: «Женщин во время месячных, само собою, не допускают на рисовые поля». Возможно, что это основано на совершенно другой идее — мнению, что менструация есть скверна, — и потому не имеет никакого отношения к половой энергии, но все же я никак не могу объяснить тогда причины, почему же месячные стали рассматриваться как способные осквернить злаки.

Письмо неожиданно для меня самого слишком растянулось, кроме того, думаю, что неуклюжий стиль европейца, может быть, Вами трудно понимается, поэтому на этом кончаю письмо.

С пожеланиями здоровья и полного благополучия пребываю

Н. Невский

P. S. Мой привет Вашей почтенной супруге.

До свидания!

Письмо, адресованное Фидзяунна Квандзюн

*Отару, 8 октября 1919 г.
Невский с почтением
господину Фидзяунна
Квандзюн*

Прошу простить за чересчур долгое молчание, которому нет никакого извинения, но все же покорнейше прошу извинить меня, если можете. Надеюсь, что Вы и Ваша семья в полном здравии, несмотря на начавшиеся холодные дни. Я лично из-за холодного климата Хоккайдо на днях пролежал двое суток в постели, но теперь, слава Богу, чувствую себя опять хорошо.

Отправившись сегодня утром в Институт, получил от Вас посылку со вложением книги Рюкюго Бэнран. Выражаю Вам свою глубокую благодарность и признательность за нее и за то, что еще не забыли меня совершенно. Когда-то при Вашей помощи я начал было изучать Конкō Кэнсō, но это начинание, к сожалению, только им и осталось, и нам удалось прочесть лишь до «Частей тела» первой части. Не можете ли Вы продолжить Ваши лекции хотя бы письменно? Впрочем, я уверен, что Вы мне в этом откажете за неимением у Вас свободного времени, не правда ли? Еще хотелось бы Вас просить об одном. Последнее время на основании фольклорных данных изучаю японское земледелие и связанные с ним верования и жизненные уклады. Был бы в высшей степени Вам обязан, если бы Вы сообщили известный Вам материал по этим вопросам Ваших родных островов Рюкю, или в этом тоже отказ? Пожалуйста, уделите свободную минутку и черкните, что знаете. Передал ли Вам господин Накаяма книги, которые я у Вас брал? Перед своим отъездом из Токио, когда друзья почтили меня обедом, я их принес в ресторан, но, не видя Вас в числе собравшихся, отдал книги г-ну Накаяма с просьбой передать Вам.

С пожеланием доброго здоровья и кланяюсь Вашей уважаемой супруге и детям пребываю

Н. Невский